

Занавеска откинулась, и Дзюэцу увидела уже накрытый стол: нежная рисовая каша с зеленью и орешками, пышные манту. Цзюцзю, как всегда заботливая, принесла ей горячее соевое молоко. — Может, еще? — спросила она. Дзюэцу, жевав манту, покачала головой. Кошун вошел, и она, живя с Цзюцзю и остальными, почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Не знала, к чему приведет эта встреча, но чувствовала, как тьма опускается на сердце, словно предвещая беду. Ответы Вулиан Нианьян, казалось, ускользали, и Кошун был виновником всего этого. Его визиты стали неотъемлемой частью ее тревог. На закате он появился во дворце Ямэй. — Я слышал, что Кадзю пришла, — произнес Кошун, как всегда сопровождаемый И Сэй. Дзюэцу хмуро посмотрела на него, беззаботно устроившегося на стуле, словно это его собственная комната. — Именно потому, что ты так часто сюда приходишь, лучше бы сразу отправлялся во дворцы своих супругов, — бросила она. — Я посещаю супругов должным образом. Достаточно, чтобы мне не читали нотаций, — отпаривал Кошун. — Тебе не следует приходить ко мне. Уходи немедленно! — ее голос был холоден. — Кадзю просила тебя сделать что-то для нее? — спросил Кошун, игнорируя ее требования. — Она не просила. Сказала, что придет сегодня снова, — ответила Дзюэцу. — Понятно, — кивнул Кошун. Он словно знал, о чем Кадзю собиралась просить. — Ты знаешь, о чем она просит? — спросила Дзюэцу. Кошун, после недолгого молчания, ответил: — Возможно. В его лице, лишенном эмоций, не было ответа. От него веяло холодом зимы, спокойствием и неподвижностью, но за этим спокойствием таилась тьма. — Этот консорт... — начала Дзюэцу, но ее слова прервались. Синьсин, издавая нежный щебет, хлопала крыльями за дверью. — Простите меня, — прозвучал женский голос. Это была Кадзю. — Это я. Не могли бы вы открыть двери? Дзюэцу кивнула, и двери распахнулись. Кадзю стояла в окружении двух сопровождающих. Она бросила на них взгляд, а затем вошла одна. Двери закрылись, а сопровождающие остались ждать. Кадзю подошла к Дзюэцу и остальным, а затем поклонилась Кошуну. Тот встал. — Если у вас есть просьба к Консарту Ворона, то мне лучше уйти, — сказал Кошун. — Нет, вы можете остаться, — улыбнулась Кадзю. Стульев было всего два, и Цзюцзю с Кугю поспешно принесли еще один из другой комнаты. Кадзю села на него. — Пожалуйста, послушайте также, Ваше Величество, — обратилась она к Кошуну. — Если вы настаиваете, — ответил тот, снова усаживаясь. Атмосфера была странной. Кадзю контролировала ситуацию, и они вдвоем казались скорее старшей сестрой и младшим братом, чем женщиной и женщиной, мужем и женой. И дело было не только в их возрасте. Они оба были... — Я бы хотела, чтобы вы взглянули на это, — Кадзю сняла цветочную флейту, висевшую у нее на бедре, и положила ее на стол. Это была флейта с цветком магнолии, сделанная из нефрита со слабым серадоново-зеленым оттенком. В лепестках было проделано несколько отверстий, чтобы издавать звуки. — Эта флейта ни разу не издавала звуков. Она была сделана для определенного человека, но так и не издала ни звука. Как ты думаешь, в чем причина? — спросила Кадзю. Дзюэцу взяла в руки флейту. Она была прекрасно сделана, без изъянов. — Она не издает звуков, потому что тот человек не вернулся ко мне? — спросила она. Звуки цветочной флейты — это сигнал о том, что человек, которого оплакивали, вернулся. Если флейта молчала, это означало, что человек не вернулся. — Кто этот человек? — спросила Дзюэцу. — Когда-то он был моим любовником, — ответила Кадзю, не меняя выражения лица. Дзюэцу взглянула на Кошуна. Он был так же безучастен, как и всегда. Вероятно, он знал. — Три года назад он — У Геню — ушел из жизни. Весной того года я впервые повесила эту флейту и ждала, что его дух вернется, но... — продолжила Кадзю. Флейта не издавала никаких звуков. — Почему так? Почему он не вернулся? — спросила Кадзю. Ее голос был тихим, но Дзюэцу впервые увидела в нем намек на эмоции. Ее эмоции были там, с ее умершим возлюбленным. Дзюэцу снова посмотрела на Кошуна, а затем перевела взгляд на флейту. — Ты можешь заставить эту флейту работать? Можешь ли ты вызвать его? — спросила Кадзю. — Это твоя просьба? — спросила Дзюэцу. Кадзю кивнула. — Да, это так. Дзюэцу положила флейту на стол. — Очень хорошо. Я попробую вызвать душу этого человека, — сказала она. Глаза Кадзю расширились. — Ты можешь это сделать? — спросила она. — Я могу вызвать душу из рая только

один раз. Знай это, — ответила Дзюсэцу. Она достала из шкафа чернильный камень и кисть. Пока Дзюсэцу точила камень, она спросила Кадзю:— Гэньюу - это его вежливое имя?— Да, — ответила Кадзю.— А как его зовут? — спросила Дзюсэцу.— Сё, — ответила Кадзю. Она достала из груди маленькую бумажку в форме лепестка лотоса и написала на ней "Ou Shou". Она положила ее на стол, а затем поставила на нее флейту. Дзюсэцу достала из волос пион и подула на него. Цветок превратился в дым и окружил флейту. Флейта постепенно погрузилась в дым, ее очертания стали туманными. Кадзю хотела встать, но, взглянув на Дзюсэцу, вернулась на свое место. Дзюсэцу протянула правую руку в дым. Дым был прохладным и мягким, он обволакивал ее пальцы, как гладкая грязь. Дзюсэцу собиралась вызвать духа, словно наматывая нить посреди дыма, но ее брови нахмурились от ощущения неправильности.— Это... — Дзюсэцу вытянула руку и выдохнула, чтобы рассеять дым. Дым рассеялся, и флейта снова начала обретать форму. Когда дым полностью исчез, флейта вернулась к своей первоначальной форме.— Я не могу призвать его, — с горечью сказала она Кадзю.— А? — переспросила Кадзю. — Что это значит?— Душа, которую ты ищешь, не может быть найдена в раю. Вот почему он не ответил на призыв души, — ответила Дзюсэцу.— Это значит... — начала Кадзю.— Этот Генюу либо еще жив, либо находится в состоянии, когда его душа не может быть задействована из-за каких-то обстоятельств, — сказала Дзюсэцу. Глаза Кадзю задрожали в недоумении.— Он не может быть живым. Я видела его тело своими глазами, и его похороны уже состоялись. Что ты имеешь в виду под какими-то обстоятельствами...? — спросила она.— Я не знаю. Это также первый раз, когда я не могу вызвать духа, — ответила Дзюсэцу. Она слышала от Рейдзё, что бывали случаи, когда она не могла вызвать духа, но Дзюсэцу никогда не сталкивалась с этим до сих пор.— При каких обстоятельствах умер этот человек? — спросила Дзюсэцу. Ответил Кошун, а не Кадзю.— Три года назад Оу Генюу был послан в провинцию Реки, чтобы служить военным консультантом при региональном инспекторе. Он погиб во время вспыхнувшего там бунта. Камень, пущенный неведомой рукой, угодил ему прямо в голову. Звук удара, резкий и неожиданный, разнесся по тишине, а затем наступила гнетущая тишина, прерываемая лишь тихим стоном, вырвавшимся из бездыханных губ.